

голацхосеїн
саэди

**ОДЕРЖИМЫЕ
ВЕТРАМИ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО „НАУКА“
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА
1977

902.7
C12

غلام محسن ماعنس
اهل هوا
تهران ۱۳۴۵

Перевод с персидского
А. М. МИХАЛЕВА

Ответственный редактор,
автор послесловия и комментариев
О Ф АКИМУШКИН

Голамхосейн Саэди

С 12 Одержимые ветрами М, Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1977.

104 с с карт.

Голамхосейн Саэди — известный прозаик и драматург современного Ирана. Интересуясь обычаями и нравами иранского народа, он часто совершает длительные поездки по отдаленным областям страны. Предлагаемая вниманию читателей книга — записи о верованиях, обрядах и ритуалах большой группы населения иранского побережья Персидского залива.

С 10602-208
013(02)-77 62-77

902.7

© Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1977.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга «Одержимые ветрами»¹ на первый взгляд представляет собой заметки наблюдательного и любознательного путешественника, и сам автор книги с присущей ему скромностью не претендует на большее. Однако в действительности эта работа — первый шаг в необходимой серии исследований удивительных и причудливых обрядов и традиций, бытующих на окраине нашей страны.

То, о чем мы читаем на страницах этой книги, до сих пор было неизвестно. Кроме того, район, в котором существуют описываемые автором обряды, изучен слабо.

Книга состоит из двух частей: первая — заметки о жителях южного побережья Ирана (точнее, района Минаба и деревень между портами Ленге и Бушир) и островов Ормузского пролива, вторая содержит описание различных ветров, от которых страдают «одержимые», и ряд приложений (истории нескольких «одержимых ветрами», описание сказочных существ, обитающих в южных морях и т. д.).

Автор исследования ставил перед собой задачу — изучить обряды и традиции «одержимых ветрами» и записать все, что увидел и услышал, естественно, придав своим записям упорядоченную и логическую форму. Автор успешно справился со своей задачей, что было нелегко, так как он взялся за подобное исследование впервые, совершенно самостоятельно, а, кроме того, работа осложнялась невозможностью применения таких методов, как опросы с помощью анкет и т. п. Если мы сравним с точки зрения методики исследования монографию «Одержимые ветрами» с двумя предшествующими работами Саэди*, то убедимся, что она профессиональнее, и, хотя иногда автор позволяет разыграться своему воображению новеллиста, чувствуется, что его увлекает работа ученого.

Существует немало исторических, географических и политических исследований побережья Персидского залива, но вопрос о социальном положении населения этого района лишь недавно стал

* «Деревня Ильхачи» и «Мешгин-шахр или Хияв» — обе работы изданы иранской Организацией социальных исследований². (Примечания переводчика всюду оговорены.)

привлекать ученых, причем наибольшее внимание уделялось той части побережья, на которой ведется добыча нефти*. В первой главе книги автор описывает ту часть побережья, которая до сих пор оставалась слабо изученной, и с этой точки зрения материалы Саэди привлекают новизной. Между этой главой и основной темой исследования нет прямой связи, но, без сомнения, знакомство с экономической и социальной обстановкой района окажет большую помощь в толковании и анализе обрядов, и обычаев «одержимых ветрами».

Этот опаленный солнцем край с древности был связующим звеном в торговле, обмене воззрениями и в контактах между народами Азии и Африки. В течение веков этот район посещали индийцы, африканцы, европейцы и семиты. Многие иранцы отправлялись и до сих пор отправляются отсюда в разные уголки мира.

С начала XX в. в жизни населения этого района, особенно его нефтеносных зон, начались важные перемены. Экономика, базировавшаяся на рыболовстве, добыче жемчуга и выращивании фиников, уступила место промышленному хозяйству. Население Хузестана нашло себе новые виды работы. Без сомнения, скоро значительные изменения произойдут и в жизни населения прибрежных районов Фарса и Кермана, и в результате этого старинные обычаи и обряды постепенно отомрут и будут забыты.

В силу соседства с морем и весьма незначительных контактов с центральной частью Иранского плоскогорья обычаи и обряды местных жителей мало похожи на обычаи и обряды населения других районов Ирана. В число обрядов южного побережья Ирана входят многочисленные и разнообразные пляски, якобы помогающие изгонять некоторые «ветры» и излечивать больных.

До настоящего времени мы располагали ограниченными сведениями по этому вопросу. Перечень исследований, касающихся указанной темы, включает книгу Анри Массе «Обычаи и обряды Ирана», статью «Зар» в Энциклопедии ислама³, «Записки одного иранского путешественника» и дипломную работу одного из студентов медицинского факультета Тегеранского университета.

Предполагают, что верования, связанные с ветрами «зар», проникли в исламские страны из Эфиопии⁴. Обычаи и обряды, существующие в Иране, наблюдаются также в Египте, Хиджазе и Омане, где они тоже носят название «зар». Мусульмане и христиане Эфиопии верят, что зары — это злые духи, живущие в реках и источниках и иногда вселяющиеся в тело человека. Определенные обря-

* К числу подобных исследований относятся: работа Джалаль Але Ахмада «Харк»; «Харк в период эксплуатации нефти» (автор Хосров Хосрови), несколько статей в периодических изданиях⁵.

ды, и особенно множество разнообразных ритуальных плясок, заставляют духов покинуть тело человека. Обычно духов изгоняет пляской женщина. Весь обряд длится несколько суток. Танец сопровождается игрой на нескольких барабанах разных размеров. В Сомали также существует подобный обряд, называемый «сар».

Сведения, содержащиеся в книге Саэди, можно обобщить следующим образом:

«Ахл-е хава» называют человека, одержимого одним из «ветров», а «ветры» — это таинственные, могущественные, колдовские силы, существующие повсюду и властвующие над всем родом людским. Никто не в силах противостоять им, и людям остается лишь угождать ветрам, приносить им жертвы и сдаваться на их милость. Ветры, как и люди, бывают добрыми и безжалостными, слепыми и зрячими, неверными и мусульманами. Если ветер преследует человека и делает его своим «оседланным», то рано или поздно человек заблеваает и становится «порченным». Чтобы избавиться от страданий, причиняемых ветром, надо обратиться к «баба́» или «мамá» данного ветра. Для «нисхождения»* и усмирения ветра баба́ или мамá устраивают специальные сборища, на которых проводят обрядовые игрища. Во время этих обрядов баба́ и мамá изгоняют злой дух из тела больного. На сборищах проводятся именно те обряды, которых требует тот или иной ветер. С помощью обрядов ветер становится «прозрачным и зрячим». Больной, для исцеления которого устраивались те или иные обряды, попадает в клан «ахл-е хава», т. е. «одержимых ветрами»⁶.

В связи с изложенным выше обращают на себя внимание несколько моментов:

1. Ветры прилетели в Иран из Черной Африки и Аравии. Существуют, конечно, индийские и иранские ветры, однако по могуществу они не идут ни в какое сравнение с черными ветрами. Все мамá и баба́ — чернокожие. Характер обрядовых плясок, а также форма барабанов и тамтамов свидетельствуют об их африканском происхождении.

2. По пути в Иран, а также, вероятно, непосредственно на южном побережье Ирана ветры приобрели ряд характерных исламских черт, и некоторые африканские припевки и колдовские заклинания смешались со стихотворными припевками и притчами, восхваляющими исламского пророка. Особенно следует отметить, что запреты, существующие в среде «одержимых ветрами», сходны с исламскими запретами.

3. Простонародные иранские верования в джиннов, демонов

* Подробнее см. с. 36—37, 89.

и т. п. также переплелись с верой в ветры. Более того, героями некоторых сказаний о суфиях стали старейшины одержимых ветрами.

4. Ветрам приписывают многие черты, присущие злым духам – джиннам, пери, гулям, дивам и Омм-оль Сэбийан

5. Ветры, как правило, считаются злыми духами, но иногда добродетельные старейшины и шейхи после смерти также становятся ветрами, например шейх Шаэб и шейх Шариф

6. Некоторые люди больше других подвергаются опасности стать добычей ветров. Обычно больше всего от ветров страдают люди, стоящие на низшей ступени материальной обеспеченности и социального положения. нищие, чернокожие, рыбаки, матросы, ловцы жемчуга. Купцы и капитаны крупных судов никогда не попадают в плен к ветрам.

7. Ветры требуют от своих пленников дорогих подарков, что обычно не под силу беднякам. Ветер может заявить «Я хочу золотое кольцо, хочу шелковое платье, хочу, чтобы пир устроили».

8. Люди, излечившиеся от мучений, причиняемых ветрами, становятся членами клана «одержимых ветрами», т. е. клана обездоленных и немущих, который имеет свою структуру и свои законы (запреты и табу, наказание «хадд», накладываемое на членов клана).

9. Баба́ и мамá не только выступают в роли врачей и посредников между ветрами и их жертвами, но и являются предводителями «одержимых ветрами».

Перечисленные выше моменты свидетельствуют о том, что затронутые в книге Саэди вопросы заслуживают внимания исследователей. Не следует просто ставить обряды «одержимых» в один ряд с ритуалами, существующими во всем мире для подавления злых духов, так как верования «одержимых ветрами», вероятно, имеют специфические экономические и социальные черты

Когда первобытные люди не могли понять какое-то явление и объяснить его механизм, они приписывали его действиям таинственных и неведомых сил. Отсюда и возникла вера в злых и добрых духов, в джиннов, пери, мамá и т. п., а также вера в колдовство. Люди обращались за помощью к колдунам и врачевателям, которые якобы обладали способностью одерживать верх над духами. В противовес этим верованиям, получившим общее название «анимизм», возникло механистическое учение, объясняющее явления природы химическими и физическими процессами⁷. И все же до сих пор в Африке, Австралии и Южной Америке живут люди, хранящие прежние верования и обращающиеся за помощью к колдунам и врачевателям. Существуют также верования, объединенные названием «шаманизм»⁸. Шаманы излечивают больных с помощью об-

рядов, напоминающих ритуалы, существующие на южном побережье Ирана. Исследования подобных обычаев и обрядов в Южной Америке*, а также смешения католицизма с вудуизмом на островах Гаити** могут оказаться полезными для анализа верований «одержимых ветрами», в частности для изучения смешения этих верований с исламом.

Саэди не берет на себя смелость анализировать описываемые явления, и на самом деле невозможно и не следует делать какие-либо выводы или сравнения с обычаями и обрядами, распространенными в других районах, не собрав полной информации о всех аспектах объекта изучения. В частности, необходимо уточнить детали, связанные с индивидуальными особенностями больных и симптомами заболеваний, с личностями баба́ и мамá, их психическим состоянием и общественным положением. Необходимо более полное, чем в этой книге, изучение способов лечения. И наконец, необходима более полная информация о социальной организации «одержимых ветрами».

Для изучения перечисленных вопросов следует привлечь данные различных наук, таких, как психопатология, социология, этнография и т. д.

Изучение проблемы возникновения клана «одержимых ветрами» и связанных с ним явлений успешно начато и заслуживает того, чтобы его продолжили.

Доктор Джамшид Бехнам

* L. Sebag Chamanisme Ayoréo. «L'Homme», avril, juin 1955.

** A. Métraux. Le vaudou et le Christianisme. «Temps Modernes», № 136, 1957.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Перевернута последняя страница. Вместе с автором этой книги мы побывали среди жителей юга Ирана в прокаленных соднем и продуваемых всеми ветрами прибрежных и островных селениях и деревушках центральной и восточной части Персидского залива.

Регион, о котором идет речь в книге, протянулся по материк узкой, извилистой лентой, захватывая ряд прибрежных островов, в направлении с востока на запад — от городка Минаба до современного порта Бендер-Аббас, отсюда на юг — вдоль Ормузского пролива до порта Ленге и далее на запад — до селений Табан и Гавбанди (около 450 км) *. В этом чрезвычайно тяжелом в климатическом отношении и слабо развитом экономически районе испокон веков жили люди, чья жизнь была теснейшим образом связана с морем — от рождения до последнего часа, оно давало им пищу, работу и заработок. Поэтому они относились к морю как к живому существу — уважали, чтили и боялись. Все они — мореходы и рыбаки, добытчики кораллов и ловцы жемчуга — в одинаковой степени зависели от того, штормит море или оно спокойно. Отсюда издревле протянулись морские торговые пути, связавшие юг страны с Индией, Малайзией, Китаем, Восточной и Юго-Восточной Африкой, портами Красного моря. В результате многовековых торговых и экономических связей юга Ирана с указанными странами здесь сложилось разнообразное и пестрое по своему этническому составу население. Потомки африканцев — рабов из Восточной Африки, выходцев из Индии и Сомали, арабов Омана и Адена и коренные иранцы составили население этой части страны и внесли свою лепту в местную региональную культуру, сохранившую до сих пор особенные, уникальные черты.

Число исследований, посвященных району Персидского залива за последние 25 лет, давно уже составило отдельную библиографию, однако все они в сущности рассматривают исторические, экономические, политические или стратегические аспекты **. Последнее

* Детальное описание этого участка побережья см.: Persia. September 1945. Geographical Handbook Series. Naval Intelligence Division, [London], 1945, с. 128—135.

** Из работ, вышедших в последнее десятилетие, см.: С. Нешат, Тарих-е сийаси-йе халидж-е Фарс, Тегеран, 1345; А. Эктедари, Асар-е шахрха-йе бастан-йе савахел ва джаза'ир-е халидж-е Фарс ва дарийа-йе Оман, Тегеран, 1348; J. B. Kelly, Britain and the Persian Gulf, 1795—1880. Oxford, 1968 (с полной библиографией вопроса); Г. Л. Бондаревский, Английская политика и

легко объяснимо — район залива сказочно богат нефтью, основным энергетическим сырьем современного мира. Именно отсюда получают нефть Западная Европа, Япония, США и Австралия. И только в этой книге мы не встречаемся с нефтяной проблемой, о нефти в ней нет ни слова. Мы встречаемся лицом к лицу с жителями прибрежной зоны, узнаем о своеобразных и экзотических обрядах, обычаях, представлениях и поверьях насельников этих мест, о которых, справедливости ради отметим, не имели никакого представления даже специалисты.

Эта книга была написана десять лет тому назад и не является исследованием специалиста-этнографа, а принадлежит перу одного из наиболее ярких и самобытных писателей современного Ирана Голамхосейна Сазди (род. 1936 г.), пишущего также под псевдонимом Гоухар Морад.

Автор родился в Тебризе, получил высшее медицинское образование в местном университете и диплом врача-психиатра. В Тебризе и впоследствии в Тегеране оннискал известность как знающий и опытный врач, который (не в пример своим коллегам по профессии) брал умеренные гонорары, не выворачивая кошельки своих зачастую несостоятельных клиентов, причем иногда лечил их бесплатно. Еще будучи студентом, он пробовал свои силы в художественной литературе, а в 1960 г. в Тебризе вышли из печати две его пьесы, вскоре последовали другие, почти сразу же привлечшие к автору внимание широкой общественности страны. В 1965 г. на I Фестивале иранской национальной драматургии, проходившем в Исфахане, его пьеса «Варазилыцы с дубинками в руках» была признана лучшей в современной иранской драматургии (отдельным изданием она вышла в том же году в Тегеране). Национальное радио и телевидение поставило целый ряд его пьес, значительно расширив тем самым круг их читателей, слушателей и зрителей. По мнению иранского ученого Г. Х. Сабри Тебризи, работающего в настоящее время в Эдинбурге (Шотландия), Сазди является зачинателем и основателем современной драматургии в Иране, а его пьесы объективно отражают жизнь народа*.

Не менее успешно работает Голамхосейн Сазди и в жанре новеллы и повести, которые продолжают доминировать в современной

международные отношения в бассейне Персидского залива, М., 1968; В. Бодянский, О. Герасимов, Л. Медведко, Княжества Персидского залива, М., 1970; Л. И. Медведко, Ветры перемен в Персидском заливе, М., 1973.

* The Social Values in Modern Persian Literature — доклад, прочитанный на XXIX Международном конгрессе востоковедов (Париж, июль 1973 г.).

литературе Ирана. По страницам его пьес, рассказов и повестей проходят длинной чередой представители различных классов и слоев, стоящие на разных ступенях социальной иерархии. Здесь и власть предрержащие и нищие, нувориши и патриоты, деклассированные элементы и интеллигенты, забытые крестьяне и задавленные нуждой рыбаки. Однако основными героями, несомненно, являются простые люди с их повседневыми заботами и жизненными трудностями, радостями и ожиданиями, надеждами и страхами. Произведения Сазди социально окрашены и глубоко психологичны. Думается, что они дают достаточно верное, хотя и не лишнее мрачных красок безысходности, представление о жизни определенных слоев иранского общества 60-х годов нашего века не только в городах, но и в глухих, «забытых богом» уголках страны.

Участие в ряде этноантропологических экспедиций, проводимых с конца 50-х годов Институтом социальных исследований при Тегеранском университете, несомненно помогло Сазди не только познакомиться с прототипами героев своих будущих произведений, но и глубже вникнуть и лучше понять национальные, культурные и религиозные традиции и представления простого народа. Можно с уверенностью сказать, что многие персонажи его пьес, рассказов и повестей — это художественно обработанные образы реально существующих людей, с которыми он встречался во время этих экспедиций в отдаленные районы Ирана. Простое сопоставление данной книги (первое издание — Тегеран, 1967) и повести «Страх и дрожь»* (первое издание — Тегеран, 1969) является, как нам представляется, наглядным примером сказанному.

«Одержимые ветрами» — это обработанный и систематизированно изложенный отчет о полевых наблюдениях и работах, сделанных автором во время своего пребывания на юге страны среди насельников побережья. Естественно, что в первую очередь он стремился выполнить те задачи, для разрешения которых, собственно, и была предпринята эта поездка, а именно: записать по

* Эта повесть известна советскому читателю в превосходном переводе А. Михалева под названием «Страх» (журнал «Иностранная литература», 1974 г., № 4; отдельное издание с послесловием переводчика — издательство «Прогресс», М., 1976 г.). В Иране она выдержала четыре издания (последнее — Тегеран, 1974 г.). В последние годы в СССР издано несколько переводов художественных произведений Сазди, которые дали возможность советскому читателю познакомиться с его творчеством: повесть «Траур в Баяле», пер. Ш. Бади и Н. Кондыревой, М., 1975; в переводе тех же авторов опубликованы четыре рассказа из сборника «Неведомые страхи»: три — вместе с повестью «Траур в Баяле» и один — в сборнике «Ближневосточная новелла. Арабские страны, Иран, Турция», М., 1975.

верья и верования жителей, связанные с ними ритуальные обряды, танцы, аксессуар ритуальных предметов, музыкальных инструментов, биографии информаторов и т. п. Все это и отражено в книге. Носители и исполнители этих диковинных обрядов и ритуалов — жители южных рыбацких селений, присутствуют в книге пассивно, выступая лишь в роли информаторов. Повесть же «Страх и дрожь» — это прямой творческий результат поездки Саэди на побережье Персидского залива. В повести мы уже непосредственно общаемся с людьми, теми самыми людьми, которые страдают, оседланные и полоненные ветрами-духами, и исполняют ритуальные обряды и танцы, чтобы хотя бы на время освободиться из их цепких рук. Перед нами предстают забитые, темные и всего боящиеся люди, придавленные безысходной нуждой, предрассудками и суевериями. Читатель очень скоро понимает, что последние возникли не сами по себе, а сложились в результате тяжелых социально-экономических условий трудной и монотонной жизни, нелегких отношений с окружающей средой и взаимоотношений друг с другом. Эти две книги во многом перекликаются и дополняют одна другую.

В настоящее время драматург и писатель Голамхосейн Саэди чрезвычайно популярен в Иране. Заметим попутно, что все написанное им (около 40 художественных произведений — пьесы, рассказы, повести и три этнографические монографии) выдержало по два и более изданий — факт весьма примечательный и далеко не обычный для этой страны. Творчество Саэди привлекло внимание специалистов и стало предметом специальных исследований как на родине писателя, так и за рубежом*.

Относительно «Одержимых ветрами» автор скромно замечает, что его задача «закключалась лишь в сборе и упорядочении отрывочных, бессистемных сведений и материалов» и что «он не делает каких-либо выводов и не претендует на анализ», тем не менее на его долю выпало счастье быть первооткрывателем. Время от времени до этнографов доходили расплывчатые и туманные сведения о верованиях, обрядах и ритуалах, бытующих среди насельников южного побережья Ирана. Однако только Саэди удалось собрать на месте и привести в систему сведения о культе «зар» и прочих ветров-духов, описать обряды и ритуалы, связанные с ними, описать музыкальные инструменты и ритуальные одежды, используемые в играх, а также рассказать о танцах, припевках и сложившихся в течение не одного поколения процедурах игры. Саэди описал

* Одно из них — доклад д-ра Г.-Х. Сабри Тебризи было отмечено выше: другое — монография известного иранского критика А. Дастгейба: А. Дастгейб. Нагд-е асар-е Голамхосейн-е Саэди (Гоухар-е Морад), Тегеран, 1352.

все это, опираясь на виденное им и услышанное от представителей и руководителей (мама и баба) клана одержимых ветрами-духами, закрытого для прочих людей. Наконец, он указал на такие интересные и любопытные детали, как на тесную связь и причудливое переплетение привнесенных извне поверий с мифологией, суевериями и представлениями, бытующими и широко распространенными в фольклоре иранских народов, а также на то, что на иранской почве культ ветров-духов уже успел одеться в одежды ислама*.

Изучение культа духов «зар» и прочих ветров, распространенного на юге страны, еще только начинается. Между тем аналогичный культ, бытующий среди жителей арабских стран, Сомали и Эфиопии, уже привлек к себе внимание этнографов, и его изучение имеет сравнительно давнюю традицию. Заметим при этом, что культ бытует среди населения, исповедующего столь развитые монотеистические религии, каковыми являются христианство и ислам. Заслуживает внимания тот факт, что культ духов-заров не рудиментарное явление, не пережиток, сохранившийся в рамках этих религий. Наоборот, он стал популярен спустя много веков после того, как эти религии упрочились и стали всеобщими. Ниже для сравнения мы кратко остановимся на ряде сторон, характерных для культа, распространенного в указанных странах. В его основе лежит представление о том, что существуют некие злые духи, общим для которых является название «зар» и которые полонят человека, становящегося после этого «лошадью» (фарас) духа. Духи обычно подстерегают человека около водоемов, колодцев, рек, в зарослях, под раскидистыми деревьями. Вселяясь в человека, они вызывают различные болезни, нервные припадки, умственные расстройства и т. п. Раз попавший во власть духа уже не может окончательно от него освободиться, но с ним можно договориться, чтобы он не очень досаждал оседланному и не мучил его. С этой целью призывают знахаря-ведуна, который тоже одержим одним или несколькими духами-зарами, но живет с ними в доверительном общении, так как в свое время сумел с ними договориться и стал как бы посредником между духами и теми, в кого они вселяются. Обряд состоит в том, что больного обязательно ночью, после того как он провел некоторое время вдаль от людей в уединении, приводят к знахарю-ведуну в дом, где его уже ждут все представители клана. Затем под аккомпанемент барабанов и бубна начинаются танцы,

* Деление ветров-духов на мусульманские, т. е. праведные и неверные; запреты, которых придерживаются в сообществе одержимых ветрами (в частности, запрет на употребление спиртного); указание на наличие 72 видов духов-заров; обращение одержимого лицом к Мекке во время игры и нисхождения духа-зара и т. д.

называемые «гурри», в которые включаются все присутствующие на сборище. В танце принимает участие и больной. В экстазе танца духи-зары начинают говорить устами одержимых и знахарь определяет принадлежность и специфику духа, вселившегося в больного. Далее он через посредство своего собственного духа-зара обращается к духу оседланного, вступает с ним в переговоры, выясняет его имя, его желания и требования и, прибегая то к угрозам, то к обещаниям дать подарки и уговорам, приходит к соглашению с духом относительно срока, в течение которого вселившийся дух не будет докучать своему подопечному. Длительность торга находится в прямой зависимости от степени могущества духа знахаря-ведуна и духа больного. Затем между этим духом и оседланным заключается договор, и неофит становится членом сообщества одержимых духами-зарами*. Иногда по желанию духа приносят в жертву животное и происходит питье крови.

При сравнении сказанного выше с тем, что описал Саэди, обращает на себя внимание сходство и аналогия целого ряда деталей. Вместе с тем вполне естественно, что культ ветров-духов, распространенный на юге Ирана и синтезировавший в себе определенные черты культа, бытующего в Восточной Африке, Эфиопии и арабских странах, имеет свои местные, специфические особенности, вызванные социальными, политическими и экономическими условиями. Здесь и разнообразие процедуры ритуала, обрядов, твердо установленное число музыкальных инструментов, определенный танец для каждого из духов, продолжительность дней игрища и т. п.— к тому же все это окрашено региональным колоритом. На одном хотелось бы остановиться особо, на социальном аспекте. Саэди неоднократно подчеркивает, что добычей ветров «становятся бедные люди и нищие»**. В то же время люди, «имеющие средства к безбедному существованию,— купцы, бродячие торговцы, капитаны больших судов — никогда не становятся пленниками ветров». Почему? Потому, что они имеют деньги и могут откупиться от духов. Но вот в Эфиопии дух-зар может вселиться как в бедняка, так и в богача, однако «зар богача» (естественно, более могущественный) вселяется только в богача, а «зар бедняка» — только в бедняка,

* С. Б. Чернецов. Экстатический культ зар в Эфиопии.— Краткое содержание докладов годичной сессии ИЭ АН СССР. 1970. Л., 1971, с. 69—71; M. Leiris. La possession et ses aspects théâtraux chez les éthiopiens de Gondae. P., 1958, с. 14—20; S. D. Messing. Group Therapy and Social Status in the Zar Cult of Ethiopia.— «American Anthropologist». Vol. 60, 1958, с. 1120—1126.

** Исключением является ветер-дух шейх Эдрус (см. с. 63—64).

и ошибки быть здесь не может. Иерархия духов-заров копирует в сообществе одержимых структуру феодальной Эфиопии*.

Итак, мы наблюдаем разительное сходство и весьма существенные отличия. Естественно, что у специалистов возникает вполне закономерный вопрос — не является ли культ одержимых ветрами-духами дальнейшим развитием шаманистских представлений или же он ближе к ведовству? Не будем спешить с выводами, поскольку вопрос достаточно сложен и многие детали и особенности культа еще не исследованы и требуют углубленного изучения. Будем надеяться, что грядущие исследования этнографов принесут нам ответ на этот вопрос.

Прошло уже десять лет с тех пор, как была написана эта книга. За прошедшие годы в Иране произошли значительные перемены и изменения. В результате целой серии реформ, проводимых «сверху» (с 1963 г.), главной из которых, несомненно, является аграрная, страна стремительно развивается по пути капитализма. В разных частях страны поднимаются новые заводы и промышленные предприятия, возводятся атомные и тепловые электростанции, прокладываются современные автомагистрали, нефте- и газопроводы, расширяются старые и планируются новые морские порты. Не менее быстрыми темпами идет классовое расслоение как в городе, так и в деревне. Эти процессы, естественно, захватывают и южное побережье Ирана. Рушатся веками складывавшиеся патриархальные отношения, столь привычный жизненный уклад. Индустриальное развитие требует рабочих рук, и крестьяне и рыбаки уходят на строительство различных объектов, оседают в городах, приобщаются к современной цивилизации, теряя свои связи с родными местами и местными традициями. Средства массовой информации — радио, телевидение, кино и пресса — размывают их прежние представления, которые постепенно забываются. Таким образом, остается все меньше хранителей и носителей удивительных и уникальных обрядов. Это естественный процесс. В связи с этим книга «Одержимые ветрами», в которой Саэди осветил тяжелую и трудную жизнь, обряды, ритуалы и поверья насельников южного побережья Ирана, приобретает еще большую ценность, поскольку сохраняет страничку истории древней и богатой культуры Ирана.

О. Ф. Акимущкин

* С. Б. Чернецов. Экстатический культ зар в Эфиопии, с. 71; M. Leiris. La possession..., с. 23—24.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Отдельные заметки о жителях южного побережья Ирана . . .	8
Одержимые ветрами	27
Главные и наиболее известные ветры	31
Ветры-зары	32
Главные и наиболее известные зары	45
Нобан	54
Ветры-шейхи	60
Ветры-джинны	69
Лива	71
Омм оль-Сэббан	72
История нескольких одержимых ветрами	73
История Мухаммада Хаджи Солеймана	73
История Ахмада Обейдана	78
История Юсефа Салема	79
История человека из Пей-Пошта	79
Сказочные существа, обитающие в южных морях	80
Музыкальные инструменты и ритуальные принадлежности одержимых ветрами	83
Термины и выражения одержимых ветрами	88
Приложение	92
Комментарии	93
Послесловие	97

Голамхосейн Сазди

ОДЕРЖИМЫЕ ВЕТРАМИ

Редактор *С. В. Полтавская*. Младший редактор *Н. Н. Комарова*. Художник *В. В. Локшин*. Художественный редактор *Э. Л. Эрман*. Технический редактор *Л. Е. Синенко*. Корректор *Л. Ф. Орлова*

ИБ № 13138

Сдано в набор 1/VI 1977 г. Подписано к печати 3/Х 1977 г. Формат 84×108^{1/32}
Бум. № 2. Печ. л. 3,25. Усл. п. л. 5,46. Уч.-изд. л. 5,75. Тираж 10000 экз
Изд. № 4151. Зак. № 422 Цена 35 коп.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука». Москва Б-143, Открытое шоссе, 28